P 109/271

Р 109
271

РАЗСКАЗЪ

БЫВШАГО СТАРООБРЯДЦА

о

СВОЕМЪ ОБРАЩЕНІИ

ИЗЪ РАЗСКОЛА ВЪ ПРАВОСЛАВІЕ.

ХУ-6997

М., 1874

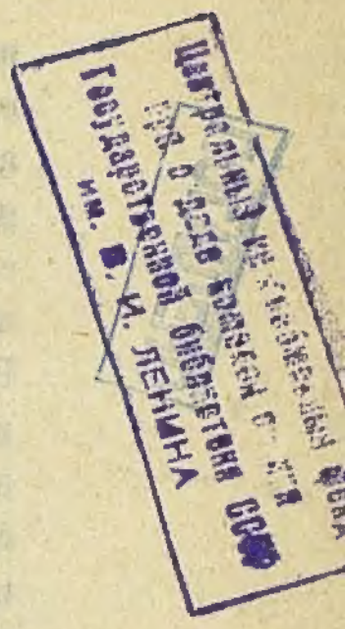
Рк
2258

Печатать дозволяется. Московская Духовная Академія, 21 Ноября 1871 года.

Цензоръ професоръ протоіерей *Филаретъ Сергіевскій.*

ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САДОВОЙ, У ЯУЗСКОЙ ЧАСТИ, ДОМЪ МЕДЫНЦКВОЙ

2007097147



Разсказъ бывшаго старообрядца о своемъ обращеніи изъ раскола въ православіе.[1])

Я родился отъ православныхъ родителей и крещеніе получилъ въ церкви православной; но будучи еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, по седмому году, лишился отца и поступилъ на воспитаніе къ моему родному дядѣ — старообрядцу поповскаго согласія. Онъ былъ великимъ ревнителемъ такъ называемой старой вѣры, и, разумѣется, постарался воспитать меня въ строгомъ раскольническомъ духѣ. Я воспитался, дѣйствительно, въ полномъ отчужденіи отъ православной церкви и вынесъ изъ дѣтства самыя превратныя о ней понятія. Когда пришелъ я въ возрастъ, то, по совѣту дяди, для вящшаго утвержденія моего въ старообрядчествѣ, добылъ себѣ Соловецкую челобитную. Прочитавши оную съ великимъ

[1]) Разсказъ принадлежитъ крестьянину села Фролова (Калуж. уѣзда) Василію Егорову Кожевникову. Кромѣ общаго интереса, какой представляетъ откровенная исповѣдь человѣка о своемъ внутреннемъ перерожденіи, о постепенномъ переходѣ изъ заблужденія на свѣтъ истины, разсказъ этотъ представляетъ много любопытнаго еще потому, что авторъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ значительное вліяніе на достопримѣчательныя событія, съ которыми въ свое время мы знакомили читателей посредствомъ статей *о современныхъ движеніяхъ въ расколѣ*: авторъ упоминаетъ нерѣдко и объ этихъ дѣятеляхъ и объ этихъ событіяхъ, притомъ же говоритъ какъ очевидецъ и непосредственный свидѣтель, что̀ и дѣлаетъ его разсказъ неумаленнымъ значенія для ближайшей къ нашему времени исторіи раскола. *Ред.*

вниманіемъ, я получилъ еще большее отвращеніе къ церкви, ея ученію и обрядамъ, и почувствовалъ еще большую приверженность къ старообрядчеству. Обучившись потомъ уставу, началъ я вмѣстѣ съ братьями моими отправлять службу въ своемъ домѣ. Старообрядцы собирались въ нашъ домъ на молитву и я имъ проповѣдывалъ, что наша только вѣра по Рогожскому кладбищу есть истинная вѣра, а прочія всѣ не вѣры, а ереси. Народъ довѣрчиво и усердно внималъ моей проповѣди, особенно потому, что жизнь я велъ строгую. Я былъ уже въ то время женатъ; но тяготясь мірскою суетою и соблазнами, роздалъ нищимъ излишнее изъ своего имѣнія, доставшагося отъ родителей, и началъ помышлять, какъ бы удалиться изъ міра въ какой-либо старообрядческій монастырь. [1]) Однако прежде, чѣмъ окончательно рѣшиться на это, я разсудилъ посовѣтоваться съ однимъ извѣстнымъ мнѣ человѣкомъ, знавшимъ хорошо монастырскую жизнь. Въ селѣ Полотняномъ-Заводѣ, отстоящемъ отъ нашей деревни въ семи верстахъ, былъ старикъ-уставщикъ, жизни воздержной, въ писаніи свѣдущій, иконописецъ Ив. Андр. Веселевъ. Я съ нимъ познакомился коротко и, однажды, бесѣдуя съ нимъ, завелъ рѣчь о монашескомъ житіи.

— Ивянъ Андреевичъ, — сказалъ я ему: жены и дѣтей у тебя нѣтъ, — ты бы шелъ въ монастырь, чѣмъ въ міру жить; я жену и дѣтей имѣю, а и то мнѣ хочется оставить мірское житіе и бѣжать въ монастырь.

Онъ мнѣ на это отвѣтилъ: «послушай меня, — ты молодъ еще, ошибешься. Не ходи въ монастырь: наши заводскіе тамъ живутъ и хорошаго ничего не видятъ».

---

[1]) Видя, что я раздаю имѣніе свое и веду себя строго и уединенно, народъ сталъ звать меня монахомъ, какое прозваніе осталось за мною и до сихъ поръ.

— Кто же ваши заводскіе живутъ въ монастырѣ? спросилъ я.

— «Иванъ Сорокинъ, теперь его зовутъ Иракліемъ, [1]) инокъ очень хорошій, въ писаніи свѣдущій, живетъ онъ въ Покровскомъ монастырѣ (черниг. губ.), а прежде живалъ въ Турціи, и прочихъ мѣстахъ за границей».

Чрезъ нѣсколько времени пришлось мнѣ видѣть у Веселева этого Ираклія и слушать ихъ бесѣду. Веселевъ нарочито для меня сталъ распрашивать Ираклія о монашескомъ житіи его. Ираклій говорилъ: «по сказанію Іоанна Златоуста всюду есть зло безначаліе: такъ у насъ въ монастыряхъ власти нѣтъ, и отъ того все плохо». Тогда Веселевъ сказалъ мнѣ: «живи, другъ, дома, да занимайся получше своимъ хозяйствомъ; читай поприлежнѣе книги, бери ихъ у меня, и на службу ходи къ намъ сюда почаще». Ираклій подтвердилъ слова Веселева, и по такому ихъ совѣту я рѣшился остаться въ міру.

Веселевъ однакоже казался мнѣ не совсѣмъ надежнымъ наставникомъ. Не нравилось мнѣ то, что въ часовнѣ, гдѣ онъ правилъ уставомъ, правымъ клиросомъ правили мужчины, а лѣвымъ дѣвицы; Евангеліе читалъ уставщикъ, а Апостолъ читала дѣвка. Еще случилось мнѣ замѣчать, что нѣкоторые, отстоявши утреню въ часовнѣ, идутъ къ обѣднѣ въ церковь. Я сказалъ Веселеву: «что же ты слабо ведешь свой порядокъ, допускаешь своимъ часовеннымъ ходить въ еретическую церковь? Ты знаешь, что̀ въ Соловецкой челобитной писано,—какая тамъ вѣра? Надо всею силою удерживать себя отъ церкви». Веселевъ мнѣ отвѣчалъ: «Челобитной вполнѣ вѣрить нельзя, въ ней о церкви много неправды написано. Въ церкви измѣнены только нѣкоторые обряды, а вѣра таже:

---

[1]) Этотъ Ираклій, познавъ заблужденіе старообрядчества, въ Соловецкомъ монастырѣ присоединился къ православной церкви (Духов. Бесѣда 1864 г. № 39).

и церковные вѣруютъ во св. Троицу и воплощеніе Бога-Слова пріемлютъ». Тогда мнѣ показалось, что Веселевъ слабо и не вѣрно судитъ. Думаю себѣ: какъ же у насъ и во всемъ Полотняномъ-Заводѣ говорятъ, что противъ Ивана Андрейча не скоро найдешь такого человѣка, свѣдущаго въ писаніи; а онъ судитъ не такъ, какъ другіе старообрядцы, особенно о церкви! Всѣ старообрядцы говорятъ, что въ церкви вѣра другая, а онъ говоритъ, что таже, только обряды другіе. Вскорѣ я совсѣмъ отклонился отъ Веселева. Привезъ онъ изъ Москвы для своей часовни новыя Тріоди, напечатанныя при единовѣрческой церкви. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ купилъ книги такой печати? Онъ отвѣтилъ, что книги эти во всемъ согласны съ іосифовскими и съ нихъ перепечатаны безъ всякаго поврежденія.

— «А зачѣмъ же въ выходѣ на послѣднихъ листахъ царя благочестивымъ называютъ?» — спросилъ я.

Веселевъ отвѣтилъ: «Я выходъ прибралъ, — листы эти выдралъ; а то и у насъ многіе стали этимъ соблазняться. А книгами этими пренебрегать не слѣдуетъ».

— «По твоему, стало быть, и благословенною единовѣрческою церковію не надо гнушаться?» замѣтилъ я.

Онъ долго молчалъ, поглядѣлъ на меня и сказалъ: «а что ты думаешь? — единовѣрческою церковію и вправду нельзя пренебрегать: тамъ служба вся настоящая, идетъ по старому».

Я еще спросилъ: «а какой архіерей посвящалъ тамошнихъ поповъ и отколѣ тамъ мvро?»

Тогда Веселевъ сказалъ мнѣ: «Василій! ты еще молодъ; будь попроще, дѣло будетъ лучше; не горячо поступай противъ церкви, а то ошибешься. И великороссійская-то церковь, хотя имѣетъ перемѣны въ обрядахъ, а св. отцами или соборомъ какимъ не осуждена».

Съ этого времени я полно ходить къ Веселеву въ часовню.

До 1845 года старообрядцы нашей мѣстности исправляли сами многія духовныя требы, съ нѣкоторыми другими, наприм. браками, обращались въ Тулу къ старообрядческому указному попу Павлу, почему и считались по тульской вѣрѣ. Но въ 1845 году въ нашей мѣстности появилась новая вѣра лужковская (получившая названіе отъ посада Лужки, стародуб. уѣзда). Лужковцы отдѣлились отъ обществъ московскаго и тульскаго за то, что тѣ общества приняли метрики, имѣли поповъ указныхъ и подписались вновь приходящихъ отъ церкви не принимать. Лужковцы учили, что съ церковными не должно не только молиться Богу, но даже пить и ѣсть. Такая строгость лужковцевъ была мнѣ по сердцу: я готовъ былъ перейти изъ тульскаго въ лужковское согласіе. Но я всегда держался правила: прежде чѣмъ рѣшиться на какое-либо важное дѣло, посовѣтоваться о томъ съ умнымъ и болѣе меня опытнымъ человѣкомъ. Сыскалъ я себѣ въ Полотняномъ же Заводѣ новаго наставника, А. И. Каменьщикова. Съ нимъ вмѣстѣ стали мы испытывать о лужковской вѣрѣ; а чтобы получше все узнать, я отправился, по совѣту Каменщикова, въ самые Лужки, отстоящіе отъ насъ на 380 верстъ. Тамъ я познакомился съ людьми значительными въ старообрядчествѣ: Семеномъ Онисимовымъ и Егоромъ Михайловымъ Бажановымъ, которые и склонили меня на свою сторону. Тамошній попъ исповѣдалъ меня и причастилъ, и домой далъ запасныхъ даровъ, чтобъ я причащалъ больныхъ по «чину скитскаго покаянія». Такимъ образомъ я вернулся домой уже переправленнымъ въ лужковскую вѣру. [1]) Скоро явились у насъ и наставники изъ

---

[1]) Когда мнѣ случалось отправляться въ путь, то я, по заповѣди лужковскихъ наставниковъ, бралъ съ собою кувшинъ, стаканъ и даже икону въ мѣшечкѣ; для молитвы ставилъ оную на окно, а по молитвѣ опять клалъ въ мѣшокъ.

лужковцевъ. Въ 1848 году открылось въ нашемъ мѣстѣ моровое повѣтріе. Кто-то пустилъ молву, что только старообрядцы лужковской вѣры спасутся отъ этой смерти, а остальные всѣ помрутъ. Эта лукавая выдумка была причиною того, что всѣ почти старообрядцы нашей мѣстности тульскую вѣру перемѣнили на лужковскую. Даже многіе православные, по слѣпотѣ своей и неразумію, перешли въ лужковскую вѣру, и расколъ въ нашемъ мѣстѣ съ сего времени сильно увеличился. Наставники исправляли всѣ почти духовныя требы, кромѣ брака, для совершенія коего стали уже обращаться въ Лужки; оттуда же получались и запасные дары для причащенія.

И Каменьщиковъ, мой наставникъ, пристalъ къ лужковскому согласію, даже сдѣланъ былъ уставщикомъ въ сосѣдней съ нашею деревнѣ Дворцахъ (куда старообрядцы изъ окрестностей больше собирались на молитву). Но такъ какъ онъ повѣнчанъ былъ въ православной церкви, то попечители часовни присудили ему отправиться къ попу въ Лужки, чтобы тамъ онъ переправился и перевѣнчался. Каменьщиковъ согласился на это, пригласилъ меня съ собою, и мы отправились. Это путешествіе наше кончилось тѣмъ, что Каменьщиковъ не только тамъ не перевѣнчался, но даже совсѣмъ отказался отъ лужковской вѣры, такъ какъ лужковцы хотѣли, прежде перевѣнчанія, помазать его еще своимъ муромъ, по той причинѣ, что онъ, бывши старообрядцемъ, повѣнчался въ православной церкви. На это Каменьщиковъ не согласился. Долго у него шло препирательство съ лужковскими наставниками, которые утверждали, что въ Россіи царствуетъ антихристъ. Каменьщиковъ опровергалъ это.

Когда попечители наши узнали, что Каменьщиковъ лужковцамъ не покорился, то отказали ему въ должности уставщика. И сталъ онъ ни тульской вѣры, ни лужковской. Я спросилъ его, въ какой онъ вѣрѣ теперь будетъ? и ужъ не

думаетъ ли идти въ великороссійскую церковь? «А что,—отвѣчалъ онъ,—не въ великороссійской ли церкви и въ самомъ дѣлѣ находится истинная вѣра? мнѣ это часто приходитъ на разумъ, потому что, какую книгу ни возьми, все говоритъ, что церкви и епископамъ подобаетъ быти до скончанія вѣка». Такими о церкви великороссійской понятіями Каменьщиковъ возбудилъ во мнѣ большое сомнѣніе, такъ что я совсѣмъ отказался считать его своимъ наставникомъ.

Въ 1850 году старообрядцы нашей д. Фролова и ближайшихъ селеній избрали себѣ въ уставщики д. Пятовска крест. Ник. Куз. по прозванію Гороха. Этотъ уставщикъ, когда провѣдалъ, что въ Москвѣ и Лужкахъ явились архіереи австрійскаго поставленія, то сталъ просить меня и другихъ, похлопотать у тѣхъ архіереевъ о поставленіи его въ священники. «Тогда, — говорилъ онъ, — наше дѣло будетъ правѣе, а теперь за что ни возмусь, — исповѣдывать ли, причащать-ли, — такъ руки у меня и трясутся; потому что это дѣло не наше простецкое, а поповское». Подумали — погадали мы, и отправили Гороха въ Лужки для поставленія въ попы къ тамошнему новозыбковскому епископу Конону. Но онъ возвратился оттолѣ ни съ чѣмъ, потому что Кононъ былъ въ то время за границей. Тогда Горохъ сталъ убѣдительно просить меня ѣхать съ нимъ въ Москву для поставленія его въ попы, и даже говорилъ, что въ противномъ случаѣ онъ не станетъ никого ни исповѣдывать, ни причащать, и уставщикомъ не будетъ. Нечего дѣлать, — поѣхалъ я съ нимъ въ Москву. Тамъ мы остановились у Дмитрія Крынина.[1]) Крынинъ походатайствовалъ за насъ у владимірскаго архіепископа Антонія (Шутова). Антоній за одной обѣдней поставилъ Гороха въ

[1]) Дм. Крынинъ въ 1852 г. поставленъ въ попы Антоніемъ (Шутовымъ), а въ 1864 г., познавъ заблужденіе старообрядчества, присоединился къ правосл. церкви (Дух. Бес. 1865 г. №№ 38, 39 и 40).

иподіаконы, діаконы и попы. Такъ явился у насъ и попъ; я находился при немъ за уставщика.

Казалось, намъ слѣдовало совершенно упокоиться. Но очень смутили насъ распоряженія, данныя нашему попу Антоніемъ. Антоній строго запретилъ ему на литургіи приносить просфору за царя, между тѣмъ какъ уставъ повелѣваетъ просфору за царя приносить неотложно. Этимъ мы очень смущались [1])

Въ Октябрѣ 1856 года ко мнѣ заѣхалъ по указанію монхъ лужковскихъ знакомыхъ повозыбковскій старообрядческій епископъ Конопъ, проѣзжавшій въ Москву. Я очень радъ былъ такому гостю, и упросилъ его, на обратномъ пути изъ Москвы, опять побывать у насъ, чтобы освятить нашу складную парчевую церковь. Онъ доставилъ намъ это удовольствіе; [2]) но вмѣстѣ съ тѣмъ привелъ насъ и въ большое недоумѣніе, ибо онъ подтвердилъ нашему попу за царя просфоры не полагать. Когда мы ему говорили, что уставъ повелѣваетъ просфору за царя приносить, то Конопъ отвѣчалъ: «Правда; да теперь время-то антихристово,—антихристъ царствуетъ на землѣ духовно: поэтому и не слѣдуетъ за царя частицу изъ просфоры вынимать». Тогда то я первый разъ съ сомнѣніемъ

---

[1]) Кромѣ того Антоній далъ попу Гороху книжицу: *Чинъ пріятія отъ ересей приходящихъ*. Въ этой книжкѣ, между прочимъ, повелѣвается Аввакума, Лазаря, Никиту и проч. признавать и почитать свят. страстотерпцами и исповѣдниками, на что мы также согласны не были.

[2]) За неимѣніемъ въ то время въ нашей деревнѣ часовни Конопъ служилъ у меня въ кожевнѣ. Онъ посвятилъ одного крестьянина д. Пятовска Ст. Спиридонова въ стихарь. Но Спиридоновъ скоро оставилъ свой стихарь и не облачается въ него. При служеніи Конону подано было старинное Евангеліе, но въ новомъ окладѣ, сдѣланномъ православнымъ мастеромъ; по угламъ сего Евангелія, на крышкѣ, были изображенія евангелистовъ съ тѣми символическими животными и въ томъ порядкѣ, въ какомъ принято изображать у православныхъ. Кононъ замѣтилъ, что животныя не по старинному порядку изображены при евангелистахъ; почему и счелъ нужнымъ глаза этихъ животныхъ залѣпить воскомъ.

подумалъ объ этихъ пастыряхъ австрійскихъ; но обратиться къ истиннымъ пастырямъ церкви Христовой у меня еще и въ мысли тогда не было.

Горохъ поповствовалъ у насъ два года и 7 мѣсяцевъ. Многіе старообрядцы изъ окрестныхъ деревень и даже издалека, оставивъ лужковскихъ поповъ, стали обращаться къ нему за требами. Въ короткое время своего поповства вмѣстѣ со мною, какъ своимъ уставщикомъ и попечителемъ, онъ очень многихъ обратилъ изъ православія въ расколъ. Антоніевыхъ распоряженій онъ не принялъ въ резонъ: просфору за царя полагалъ и *Чинъ пріятія отъ ересей приходящихъ* не употреблялъ. Сначала велъ себя нашъ попъ довольно прилично; но потомъ началъ сильно пить водку, такъ что напивался до потери разсудка. Поѣхалъ онъ, по приглашенію, въ стародубскія слободы, и дорогой отъ неумѣреннаго употребленія водки скоропостижно умеръ. Таракановскій (медын. уѣзда) попъ Василій, тоже австрійскаго поставленія, совершилъ надъ нимъ священническое погребеніе.

По смерти попа Гороха наши старообрядцы стали обращаться съ требами ко мнѣ: «ты,—говорили они,—жилъ при попѣ, все дѣло знаешь; у тебя остались запасные дары: поэтому тебѣ и слѣдуетъ за попа исправлять дѣло». Я поставленъ былъ въ большое затрудненіе: взяться за поповское дѣло—страшно, потому что въ большомъ Потребникѣ написано: восхищающіи не дарованная горша самыхъ бѣсовъ осудятся; отказаться отъ исправленія требъ, — станутъ умирать безъ крещенія и покаянія: кто тогда будетъ за таковыхъ Богу отвѣчать? Къ тому же у насъ между старообрядцами сплошь и рядомъ простецы исполняютъ священническія дѣла. Рѣшился и я править поповскими дѣлами: крестить, исповѣдывать, причащать, и отпѣвать по уставу лужковскаго чинноположенія. Между тѣмъ старался я поскорѣе найти кого-либо въ попы, чтобы

сложить съ себя всѣ эти дѣла, которыми по совѣсти не могъ не тяготиться. Долго никто не соглашался идти въ попы, боясь преслѣдованій со стороны начальства. Наконецъ нашелся одинъ старикъ, хотя и очень малограмотный (бывшій деревенскій пастухъ), но однако съ большою охотой изъявившій желаніе посвятиться въ попы. Въ декабрѣ 1858 года я съ нимъ отправился въ Москву къ Антонію. Антонія въ то время въ Москвѣ не было, и я обратился къ Пафнутію, бывшему тогда епископомъ коломенскимъ. Пафнутій, видя малоспособность старика, вмѣсто него предлагалъ священство мнѣ самому; но я отвѣтилъ, что не желаю быть попомъ и даже страшусь столь важнаго и труднаго званія. Тогда Пафнутій согласился поставить старика во священноиноки, потому что былъ онъ вдовый; а мнѣ все-таки велѣлъ со временемъ привести кого нибудь получше для поставленія въ попы. И такъ посвятили нашп въ попы стараго пастуха и началъ онъ поповствовать у насъ; а я служилъ при немъ за уставщика. Много было мнѣ трудовъ около этого попа, потому что былъ онъ совсѣмъ почти безграмотный и къ тому же безтолковый человѣкъ [1]).

Въ 1860 году отправился я въ Лужки къ знакомому мнѣ наставнику Ѳаддею Іудичу. Я разсказалъ ему, въ чемъ, по нашему мнѣнію, поступаютъ незаконно новые епископы — Антоній и Кононъ. Ѳаддей Іудичъ предложилъ мнѣ посовѣтоваться объ этомъ съ Иларіономъ Егоровичемъ, который былъ близко ему знакомъ и жилъ въ Полосѣ въ Предтечевомъ монастырѣ (близъ посада Клинцовъ). Я весьма былъ радъ это-

---

[1]) По этимъ причинамъ Пафнутій, поставивши сего попа, запретилъ ему совершать литургію. Года черезъ два послѣ сего случилось мнѣ съ этимъ попомъ быть въ Москвѣ. Попъ обратился тогда къ Антонію съ просьбою: дозволить ему совершать литургію Антоній, безъ испытанія попа, далъ ему на это разрѣшеніе, поручивъ, впрочемъ, мнѣ наблюдать за нимъ при совершеніи имъ литургіи. Вотъ тутъ-то мнѣ особенно много было трудовъ около этого попа!

му предложенію потому что давно уже слышалъ объ Иларіонѣ Егоровичѣ, какъ великомъ начетчикѣ и строгомъ подвижникѣ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Отправились мы съ Ѳадеемъ Іудичемъ въ Полосу; пробыли у Иларіона Егоровича три дня, и про многое съ нимъ бесѣдовали: какъ Антоній возбраняетъ за царя изъ просфоры частицу вынимать, и какія распространяетъ чинопріемныя книжки, по которымъ строго требуетъ принимать отъ великороссійской церкви приходящихъ. Иларіонъ Егоровичъ распоряженія епископскія призналъ неправильными и сказалъ объ Антоніѣ и прочихъ епископахъ: «они только золотыя шапки на себя надѣли, а дѣло править не знаютъ; я давно слышалъ объ ихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ и написалъ на этотъ предметъ книгу листовъ въ триста; еще добавимъ кое что и тогда въ Москву поѣдемъ» Онъ еще спросилъ насъ, согласны ли мы стоять съ нимъ за-одно, если онъ будетъ опровергать незаконныя распоряженія епископовъ. Мы изъявили согласіе. При прощаніи Иларіонъ Егоровичъ сказалъ намъ, между прочимъ: «если судить по чистой совѣсти о церкви великороссійской, то намъ незачто больше обвинять ее, какъ развѣ только заодно перстосложеніе». . Эти слова тогда же глубоко запали въ мою душу.

Въ 1861 году по просьбѣ нашихъ старообрядцевъ я свозилъ въ Москву еще одного крестьянина для поставленія къ намъ въ попы. Антоній и этому попу сталъ приказывать, чтобы царя на проскомидіи не поминалъ. Новопоставленный попъ, по моему совѣту, рѣшительно отказался исполнять это его приказаніе, и Антоній по сему случаю тогда же запретилъ ему священнослуженіе. Я обратился къ другимъ старообрядческимъ бывшимъ тогда въ Москвѣ епископамъ: Пафнутію коломенскому, Пафнутію казанскому и Варлааму балтскому,—просилъ ихъ разсудить объ этомъ распоряженіи Антонія. Они крѣпко осуждали Антонія какъ нарушителя свято-отеческихъ

уставовъ; говорили ему это въ глаза, но уврачевать его не могли. Впрочемъ, по ихъ настоянію, Антоній разрѣшилъ нашего попа,—сказалъ ему: «ну, служи какъ знаешь!»

Въ началѣ 1862 года Иларіонъ Егорычь вызванъ былъ Антоніемъ и другими лицами въ Москву для обсужденія старообрядческихъ дѣлъ. На пути въ Москву онъ заѣхалъ ко мнѣ. Съ нимъ были Ѳаддей Іудинъ и Семенъ Онисимовъ лужковскіе. Иларіонъ упросилъ и меня ѣхать съ ними. По прибытіи въ Москву, мы явились въ собраніе епископовъ. Тамъ были: Онуфрій, намѣстникъ бѣлокриницкаго митрополита, состоявшій тогда предсѣдателемъ московскаго духовнаго совѣта, Пафнутій казанскій и Варлаамъ балтскій; при нихъ находились: Петръ Ѳедоровъ (московскій попъ и членъ совѣта), Семенъ Семеновъ (большой начетникъ, имѣвшій сильное вліяніе на дѣла въ духовномъ совѣтѣ) и нѣкоторые другіе. Антонія владимірскаго не было; онъ явился послѣ. Иларіонъ Егорычь сталъ настойчиво предлагать епископамъ и даже со слезами умолять ихъ, чтобы уничтожили богохульныя книжки, происшедшія отъ безпоповцевъ, дабы христіане не руководствовались ими, и для сего просилъ издать окружное посланіе. Епископы и Семенъ Семеновъ сначала не соглашались на предложеніе Иларіона. Тогда я вызвалъ въ другую комнату Семена Семенова и просилъ его поддержать Иларіоново предложеніе: «а то,—сказалъ я,—если не уважатъ Иларіона Егорыча, будетъ худо». Кончилось тѣмъ, что Иларіону позволили составить окружное посланіе. Онъ написалъ. Прежде всѣхъ подписалъ окружное посланіе Онуфрій; за нимъ подписали: Пафнутій казанскій и Варлаамъ балтскій. Антоній долго не подписывалъ. Стыдно сказать, сколько Иларіонъ Егоровъ, я, Ѳаддей Іудинъ и Семенъ Онисимовъ отвѣсили ему земныхъ поклоновъ; мало того, что кланялись, — поклонимся, да и лежимъ, прося его, какъ бы какой для себя милости, чтобы подписалъ окружное посланіе.

Наконецъ взошелъ къ Антонію Семенъ Семеновъ и, поклонившись ему вмѣстѣ съ нами до земли, сказалъ: «владыко святый! если не подпишешься, то надо возразить почему; иначе ты виновенъ останешся». Тогда наконецъ Антоній взялъ перо и подписался. Изъ двухъ подписанныхъ епископами посланій одно оставили въ духовномъ совѣтѣ, а другое, по настойчивой просьбѣ Иларіона, выдали ему [1]).

Въ Москвѣ мы пробыли болѣе мѣсяца (съ 5 февраля по 10 марта), и для меня это пребываніе въ Москвѣ имѣло важное значеніе, ибо тогда запали въ мою душу первыя сомнѣнія относительно старообрядчества и первыя сѣмена правильныхъ понятій о православной церкви. Пока мы жили въ Москвѣ, прибылъ туда инокъ Павелъ Прусскій, извѣстный безпоповскій наставникъ. По сему случаю на первой недѣлѣ великаго поста назначено было въ домѣ одного купца разглагольствіе о вѣрѣ между поповцами и безпоповцами. Собесѣдниками были отъ безпоповцевъ инокъ Павелъ, а съ поповской стороны Семенъ Семеновъ и Иларіонъ Егоровъ. Я былъ на этомъ замѣчательномъ разглагольствіи, и внимательно слушая, что говорилось съ обѣихъ сторонъ, пришелъ къ заключенію, что ни та, ни другая правоты своей ясно доказать не могутъ, что обѣ стороны имѣютъ весьма важные недостатки, и соборной апостольской церкви не обрѣтается ни у поповцевъ, ни у безпоповцевъ. Инокъ Павелъ даже прямо сознался, что безпоповцы соборной апостольской церкви не составляютъ; съ своей стороны и Семенъ Семеновъ съ Иларіономъ Егоровымъ, не смотря на всѣ свои старанія, не могли опровергнуть доказательствъ инока Павла, что поповское согласіе соборною апостольскою церковію также названо быть не можетъ: онъ съ

---

[1]) До подписанія епископами окруж. посланія Иларіонъ Егоровъ не принималъ отъ нихъ благословенія; а когда подписались, началъ принимать

убѣдительностью раскрылъ, что у поповцевъ въ теченіе двухъ почти столѣтій не было полной іерархіи, а недавно учрежденная, такъ называемая австрійская іерархія необходимыхъ качествъ истинной богоучрежденной іерархіи не имѣетъ. [1]) И задумался я, выслушавъ эту бесѣду знаменитыхъ въ старообрядчествѣ учителей: если они, разсуждалъ я, не въ состояніи были указать несомнѣнные признаки существованія церкви Христовой въ своихъ обществахъ, то составляютъ ли старообрядцы и въ самомъ дѣлѣ истинную церковь? и гдѣ находится соборная апостольская церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія? По окончаніи собранія, Иларіонъ Егорычъ еще болѣе заставилъ меня задуматься, сказавши мнѣ наединѣ: «инокъ Павелъ непремѣнно уйдетъ въ великороссійскую церковь». Да и самъ Иларіонъ Егорычъ отзывался тогда о церкви очень снисходительно, прямо говорилъ, что великороссійская, равно и греческая церковь не имѣютъ погрѣшности въ догматахъ вѣры, т. е. въ богословіи. Съ того времени я крѣпко сталъ сомнѣваться въ своемъ старообрядческомъ вѣрованіи; но присоединиться къ православной церкви тогда еще не приходило мнѣ на мысль.

Въ іюнѣ 1863 года Иларіонъ Егорычъ опять заѣхалъ ко мнѣ на пути въ Москву, просилъ сопутствовать ему туда для защиты окружнаго посланія, которое, какъ извѣстно, возбудило въ старообрядчествѣ сильныя волненія и встрѣтило многихъ, ожесточенныхъ противниковъ, образовавшихъ цѣлую партію такъ называемыхъ противуокружниковъ. Мы отправились. На пути заѣхали въ Малоярославецъ и пригласили ѣхать съ нами въ Москву бывшаго знаменитаго въ старообрядчествѣ начетчика Матвѣя Иванова Куренкова. По пріѣздѣ въ Москву, 17 іюня, Иларіонъ Егоровичъ прежде всего по-

---

[1]) Впослѣдствіи о Павелъ изложилъ кратко главное содержаніе этой бесѣды съ Семеномъ Семеновымъ, которая и для него имѣла не малое значеніе: см. въ *Пол. соб. соч. игум. Павла* тт. 16, 17 и 18. *Ред.*

слалъ меня къ нѣкоторымъ значительнымъ лицамъ въ старообрядчествѣ узнать ихъ мнѣнія объ окружномъ посланіи. Но не отрадны были собранныя мною свѣдѣнія: большая часть старообрядцевъ были противъ окружнаго. А Семенъ Семеновъ сказалъ мнѣ, что со всѣхъ сторонъ отъ старообрядческихъ обществъ и отъ частныхъ лицъ получаются приговоры и письма, требующія уничтоженія окружнаго посланія. Когда я передалъ все это Иларіону Егорову, онъ сказалъ: «если окружное посланіе уничтожатъ, то я вотъ что сдѣлаю: эту ихъ австрійскую вѣру совершенно разскассирую, потому что знаю всѣ сокрытыя въ ней ереси, и напишу объ ней цѣлыя книги». Слыша это, я помыслилъ въ себѣ: какая же послѣ того австрійская вѣра, если Иларіонъ Егоровъ такъ отзывается объ ней!

Вскорѣ потомъ встрѣтился я въ Москвѣ съ старообрядческимъ попомъ Ѳедоромъ, членомъ духовнаго совѣта. Разговорились съ нимъ объ окружномъ посланіи. Я сказалъ: если вы уничтожите окружное посланіе, то Иларіонъ Егорычъ вамъ не покорится, а пойдетъ противъ васъ. Попъ Ѳедоръ, обратясь тогда лицемъ къ кремлю и указывая рукою на соборы, сказалъ: «Да, мы все говоримъ, что тамъ ересь, тамъ еретики; а если безпристрастно посмотримъ на себя, такъ у насъ и окажутся ереси. Иларіона Егорыча тоже оскорблять намъ не слѣдуетъ; а то, помилуй Богъ! свыкнется съ молодымъ Пафнутіемъ [1]) и надѣлаютъ они то, чего мы и не думаемъ; потому что они хорошо знаютъ, что такое наши австрійская іерархія».[2]) Простился я съ попомъ Ѳедоромъ и повѣсилъ голову. Плохо же, думаю, наше старообрядческое дѣло, когда сами наставники и пастыри наши такъ отзываются о немъ! И самъ Ила-

---

[1]) Такъ звали тогдашняго коломенскаго епископа Пафнутія.

[2]) Когда я сообщилъ Иларіону мой разговоръ съ попомъ Ѳедоромъ, онъ очень удивился и принудилъ меня подтвердить клятвою, что попъ Ѳедоръ говорилъ дѣйствительно тѣ слова которыя я передалъ ему

ріопъ Егорычь, въ этотъ пріѣздъ нашъ въ Москву, еще опредѣленнѣе высказалъ предо мною свое мнѣніе о великороссійской церкви: «Гляди сюда, Василій Егорычъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды, протягивая руку въ окно и указывая на кремлевскіе соборы,—вселенская соборная церковь тамъ, а не наша австрійская»! [1]) Этими словами онъ такъ поразилъ меня, что я почувствовалъ, будто морозъ охватилъ меня съ головы до ногъ. Я сказалъ ему: «Иларіонъ Егорычъ, если такъ, то я больше не хочу быть старообрядцемъ, а пойду, куда вы указали: ибо я желаю быть въ единеніи и единомысліи со вселенскою соборною церковію».—«Этого немоги!—замѣтилъ мнѣ Иларіонъ,—намъ нужно позаботиться не столько о себѣ, сколько о всѣхъ старообрядцахъ; надо ихъ отъ заблужденія направить на путь истинный. Богъ сердцевѣдецъ знаетъ, чего ради мы здѣсь живемъ и что дѣлаемъ: Онъ насъ не оставитъ, Василій Егорычъ! А ты повременн: скоро-ли, долго-ли, старообрядцы все-таки направятся на путь, и наши труды предъ Богомъ не пропадутъ. А иначе ты все дѣло мое испортишь». Я сказалъ на это: «Какъ же можно временить? Познать соборную и апостольскую церковь и быть внѣ ея,—это ужасная бѣда! И кто мнѣ поручится, что я буду живъ, покуда ты подѣлаешь свои дѣла? Да и какъ могу я знать, что дѣла твои угодны Богу и будутъ спасительны для людей? Самъ ты развѣ имѣешь какое увѣреніе, что свыше призванъ на эти дѣла? Нѣтъ, любезный другъ Иларіонъ Егоровичъ,—какъ ты хочешь, послѣ того, что я слышалъ отъ тебя и отъ другихъ о великороссійской церкви и

[1]) Еще въ 1858 г. въ письмѣ къ одному изъ своихъ знакомыхъ (О. І.) Иларіонъ Егоровъ такъ писалъ объ австрійскомъ старообрядческомъ священствѣ: „корень его гнилъ и основаніе не твердо.“ А когда случалось мнѣ ходить съ Иларіономъ по Москвѣ, то онъ слѣдилъ за мною, чтобы я противъ каждой церкви снималъ шапку и крестился. Самъ же онъ часто бывалъ въ кремлевскихъ соборахъ: при входѣ въ оные и при выходѣ всегда молился св. иконамъ.

что самъ вижу въ нашемъ старообрядчествѣ, старообрядцемъ я не останусь».—«Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай!»—было послѣднее слово Иларіона. Послѣ сего я еще оставался въ Москвѣ, чтобы быть свидѣтелемъ важныхъ событій, имѣвшихъ въ скоромъ времени совершиться въ старообрядчествѣ.

Іюня 23 предназначенъ былъ соборъ для разсужденія объ окружномъ посланіи. На этотъ соборъ я отправился съ упомянутымъ выше М. П. Курепковымъ; а Иларіонъ Егорычъ не пошелъ, только послалъ съ нами предсѣдателю собора Опуфрію письмо, въ которомъ просилъ его всѣми силами противодѣйствовать уничтоженію окружнаго посланія. Письмо я передалъ Опуфрію, и Опуфрій принялъ его во вниманіе: какъ предсѣдатель, онъ первый подалъ голосъ признать окружное посланіе во всей его силѣ. Другіе требовали напротивъ уничтожить посланіе. Сторону сихъ послѣднихъ поддерживалъ Семенъ Семеновъ, который говорилъ: «Хотя и не слѣдовало бы уничтожать окружное посланіе, какъ не заключающее въ себѣ ничего противнаго христіанскому ученію, но ради успокоенія совѣсти многихъ простодушныхъ и немощныхъ христіанъ, смущающихся окружнымъ посланіемъ, необходимо нужно его уничтожить. Ради предотвращенія великаго зла—раздора церковнаго слѣдуетъ немощнымъ допустить снисхожденіе». Семену Семенову возражалъ М. П. Курепковъ, жаркій защитникъ окружнаго посланія. «Если по твоему,—говорилъ онъ Семену Семенову,—«ради успокоенія совѣсти многихъ немощныхъ, иначе сказать, невѣждъ, слѣдуетъ уничтожить окружное посланіе, заключающее въ себѣ здравыя и не противныя христіанству мысли, то изъ этого выходитъ, что этимъ многимъ невѣждамъ должно попускать коснѣть въ невѣжествѣ, мудрствовать неправо, не похристіански, — напримѣръ, что Іисусъ есть инъ Богъ, или антихристъ, что четырехконечный крестъ есть крыжъ латынскій, еретическій, или печать антихристова, что антихристъ

царствуетъ теперь въ церкви великороссійской... Вѣдь это величайшій грѣхъ— оставлять ихъ въ такихъ богопротивныхъ мнѣніяхъ пребывать и коснѣть! Они, пожалуй, ради успокоенія своей совѣсти захотятъ уничтожить что-либо и поважнѣе окружнаго посланія, такъ ужели во всемъ имъ потворствовать! Нѣтъ, Семенъ Семенычъ,—заключилъ Куренковъ, — не право ты мудрствуешь, а еще считаешься главнымъ наставникомъ старообрядческимъ». Болѣе часу шелъ у нихъ этотъ споръ объ окружномъ посланіи, въ которомъ принималъ участіе по временамъ только Онуфрій, поддерживавшій сторону Куренкова. [1]) Наконецъ Семенъ Семеновъ уступилъ. Однакоже опредѣленія объ окружномъ посланіи на этомъ соборѣ никакого не учинили.

Іюля 11-го былъ другой соборъ старообрядческихъ духовныхъ властей, съ участіемъ многихъ депутатовъ отъ московскихъ и гуслицкихъ старообрядческихъ обществъ, по случаю избранія архіепископа на московскую каѳедру и вмѣстѣ предсѣдателя духовнаго совѣта, каковое, имѣющее быть избраннымъ, лице завѣдывало-бы всѣми іерархическими дѣлами русскихъ старообрядцевъ, вмѣсто еп. Онуфрія, временно занимав-

[1]) М. П. Куренковъ въ 1866 году присоединился къ православной церкви. Вотъ что онъ писалъ ко мнѣ вскорѣ послѣ этого на праздникѣ Пасхи: „Кого не возрадуютъ нынѣшніе свѣтлые дни и часы! Кого не возвеселитъ Воскресеніе Христово, какъ и св церковь воспѣваетъ: *людіе веселитеся!* Веселюсь и я нынѣ, любезный другъ Василій Егорычъ, со всѣмъ моимъ семействомъ; возрадуйся и ты и прославь безчисленное милосердіе Божіе: Господь озарилъ ожесточенное сердце мое свѣтомъ божественныя своея благодати; вмѣстѣ съ Воскресеніемъ Іисуса Христа воскресли и мы отъ темнаго мрака раскольническаго суевѣрія. Отрекся я расколу на самый праздникъ ваіи. въ Тулѣ, въ Старопикитскомъ храмѣ, вмѣстѣ съ женою моею и съ дѣтьми, и на страстной недѣлѣ совершили христіанскій долгъ: поговѣли, исповѣдались и пріобщились. Слава тебѣ, Господи, слава тебѣ! Я написалъ пять сумнѣній и пять вопросовъ, и послалъ въ Москву, въ духовной совѣтъ; но отвѣту еще не получилъ, да и получить не надѣюсь“.

шаго сію должность, по порученію бѣлокриницкаго митрополита Кирилла. На этотъ соборъ Иларіонъ Егорычъ послалъ меня съ порученіемъ подать составленные имъ вопросы и требовать на оные соборнаго отвѣта. Въ числѣ вопросовъ главное мѣсто занимали слѣдующіе три: 1. признаетъ ли соборъ окружное посланіе во всей его силѣ, или уничтожаетъ, и яко не бывшее вмѣняетъ? 2) четырехконечный крестъ есть ли истинный крестъ Христовъ? 3) антихристъ теперь ли царствуетъ на землѣ духовно, или въ послѣднее время явится чувственно? Когда я вошелъ въ домъ, гдѣ было засѣданіе, то въ коридорѣ встрѣтился со мною протодьяконъ московскаго Антонія Кириллъ Семеновъ, вышедшій изъ собранія и весьма встревоженный. На вопросъ мой: кончилось-ли избраніе на московскую каѳедру? — онъ отвѣтилъ: «кончилось; избранъ Антоній владимірскій; но засѣданіе еще продолжается». — «Жаль, — говорю, — что мнѣ не пришлось быть при этомъ избраніи». — «Хорошо, — отвѣчаетъ онъ, — что и не былъ» — «Почему же такъ?» спрашиваю я удивленный. — «Да потому, что на этомъ соборѣ Антоній такъ себя держалъ и такъ выражался, что отъ его словъ и поступковъ мнѣ не поздоровилось: со мной сдѣлалось дурно, какъ ты самъ, думаю, замѣчаешь это. Депутаты, явившіеся на соборъ съ приговорами отъ своихъ обществъ, были рѣшительно противъ избранія Антонія въ архіепископы московскіе, а желали, чтобы на эту каѳедру возведенъ былъ Аѳанасій саратовскій. Антоній не принималъ въ резонъ этихъ приговоровъ. Депутаты, Ефимъ Крючковъ, отъ гуслицкаго общества, и Давыдъ Антиповъ, отъ московскаго, прямо даже сказали Антонію, что гуслицкіе и московскіе старообрядцы не желаютъ имѣть его своимъ архіепископомъ. Антоній же только и знаетъ, что произноситъ на нихъ анаѳему, да повторяетъ, что мірскіе люди, по правиламъ св. отецъ, не могутъ избирать, или низвергать епископа. Но

если бы Антоній искалъ не власти и почестей, какъ подобаетъ смиренному пастырю Христова стада, зачѣмъ было ему настаивать на своемъ избраніи, домогаться титула московскаго архіепископа, вопреки желанію паствы? Ему слѣдовало съ кротостію и смиреніемъ даже отклонить отъ себя предложенный ему отъ нѣкоторыхъ духовныхъ властей титулъ московскаго архіепископа. И выходитъ, что Антоній самъ желалъ и усиленно домогался этого титула, не обращая ни на что вниманія. Какъ же послѣ этого будетъ смотрѣть на него паства? Какое будетъ имѣть къ нему довѣріе и уваженіе? Вотъ отъ чего мнѣ не поздоровилось, Василій Егорычъ, и я поспѣшилъ уйти изъ собранія, да не горше что будетъ». При прощаніи Кириллъ Семеновъ просилъ меня придти къ нему на другой день съ Иларіономъ Егорычемъ на домъ. Послѣ этого, я взошелъ съ Иларіоновыми вопросами въ собраніе и подалъ ихъ духовнымъ властямъ. Антоній приказалъ письмоводителю духовнаго совѣта Ѳедору Иванову читать вопросы. По прочтеніи, Антоній встаетъ и говоритъ: «я не считаю нужнымъ отвѣчать на вопросы Иларіона, потому что не признаю его за христіянина: онъ не имѣетъ себѣ духовнаго отца». Іеродіаконъ Викентій, бывшій на соборѣ вмѣсто Константина оренбургскаго, на это сказалъ Антонію: «Владыко святый, ваша обязанность наставлять просящихъ наставленія и дать отвѣтъ всякому вопрошающему, даже еллину, не токмо что Иларіону». — «Не стоитъ давать отвѣта такому человѣку, какъ Ларивонъ, — замѣтилъ съ своей стороны Іовъ кавказкій, — онъ своими сочиненіями возмутилъ весь свѣтъ!» — «Вы, кривотолки, возмущаете свѣтъ, а не Иларіонъ», — смѣло замѣтилъ Іову московскій священникъ Петръ Ѳедоровъ, членъ духовнаго совѣта, замѣнявшій собою на соборѣ отсутствовавшаго по болѣзни еп. Онуфрія, — вы такъ худо говорите о Иларіонѣ и его сочиненіяхъ, а доказать своихъ словъ не хотите; нужно

подтверждать слова доказательствами, а не говорить голословно; вы только архіереями спитаетесь, а дѣло-то свое плохо разумѣете». Я стоялъ возлѣ двери той компаты, гдѣ было задѣданіе, и все это слышалъ. Антоній замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спрашиваетъ: «какъ ты поживаешь? нѣтъ ли въ вашихъ вѣстяхъ какихъ новостей?» Я отвѣчалъ: «живу славу Богу, а новаго не знаю; что у васъ новаго, владыка?»—«Да вотъ меня избрали въ архіепископа московскаго!» отвѣтилъ Антоній. — «Поздравляю», сказалъ я, и отшелъ отъ него. Немедленно отправился я къ ожидавшему меня Пларіону Егорычу и сообщилъ ему все видѣнное и слышанное на соборѣ.

На другой день. 12-го числа, согласно обѣщанію, пошли мы съ Пларіономъ къ Кириллу Семенову. Онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, и на вопросъ Пларіона: что съ нимъ? отвѣчалъ: «да вотъ отъ вчерашнихъ преній на соборѣ не могу оправиться; особенно отъ разныхъ непристойныхъ тамъ выходокъ Антонія, которыхъ, къ несчастію моему, я былъ свидѣтелемъ». Тутъ онъ разсказалъ Пларіону все происходившее на соборѣ. «Что намъ дѣлать съ этимъ Антоніемъ?» — продолжалъ онъ,—какъ его увračевать? Вѣдь трудно повѣрить, какія онъ дозволяетъ себѣ самочинія. Напримѣръ, купили мы у книгопродавца Большакова за четыреста руб. сер. древлеписьменный Уставъ, времепъ патр. Іова, съ архіерейскимъ священнодѣйствіемъ, въ которомъ, въ чинѣ проскомидіи, предписывается святителю взять святый агнецъ въ деспую руку *тремя персты* и такимъ образомъ совершить на себѣ крестное знаменіе. Антоній счелъ такое поведѣніе ошибочнымъ, такъ какъ оно будетъ въ пользу троеперстія, и потому, безъ зазрѣнія совѣсти, дерзнулъ изгладить изъ книги слово *тремя* и написалъ *двѣма персты.* [1]) Вотъ какой онъ

[1]) Примѣру своего архипастыря подражаютъ и его пасомые. По присоединеніи моемъ къ православной церкви, случилось мнѣ вести бесѣду

самочинный человѣкъ! Не знаю вы какъ, а я не признаю въ немъ благодати Божіей!» — сказалъ въ заключеніе Кириллъ Семеновъ. [1]) Посѣтовали мы вмѣстѣ и поскорбѣли (а Иларіонъ даже всплакнулъ), видя въ первенствующемъ святителѣ московскихъ старообрядцевъ такого дерзновеннаго нарушителя древле-отеческихъ уставовъ.

Іюля 13-го, въ моленной купца Бутикова, учинено было возведеніе Антонія на каѳедру московскаго архіепископа. Я отправился на это торжество съ Иларіономъ Егорычемъ. Насъ впустили безпрепятственно. Читали часы, когда мы вошли: Онуфрій первенствовалъ, а прочіе епископы, числомъ шесть, засѣдали по сторонамъ его. Съ Антоніемъ, предъ началомъ обѣдни, пѣвцы изъ моленной отправились на чердакъ бутиковскаго дома гдѣ отведена для него келья. Антоній шествовалъ съ верху при пѣніи пѣвчихъ: *радуйся и веселися граде Сіоне* (стих. на стихов. въ нед. цвѣт.). Во время малаго входа, Онуфрій,

---

съ мѣстными глаголемыми старообрядцами о именословномъ благословеніи, въ защиту коего я сослался на древнее Евангеліе, времень патр. Іова, пріобрѣтенное мною и находившееся въ то время въ нашей старообрядческой часовнѣ. Въ этомъ Евангеліи св. Евапг. Іоаннъ Богословъ изображенъ благословляющимъ ученика своего Прохора именословно (Евангеліе сіе нач. печ. 7113 (1605) г. марта въ 30-й д, при патр Іовѣ, совер. 7114—1606 г. при п. Гермогенѣ въ Москвѣ). Для рѣшенія недоумѣнія о семъ монхъ собесѣдниковъ, я посовѣтовалъ имъ отправиться къ мѣстному ихъ попу съ просьбою принести Евангеліе изъ часовни, — что и было тотчасъ исполнено; и по справкѣ подтвердилась правдивость моихъ словъ, а старообрядцы остались безъотвѣтными. На что же послѣ того они рѣшились? Безбоязненно и не стѣсняясь своею совѣстію, именословное благословеніе, съ какимъ изображенъ св. Іоаннъ Богословъ, они передѣлали на двуперстное. Когда я узналъ о такомъ дерзкомъ ихъ поступкѣ, то взялъ Евангеліе изъ часовни и продалъ оное въ Москвѣ, а на тѣ деньги пріобрѣлъ Евангеліе для своей приходской церкви.

[1]) Кириллъ Семеновъ, какъ извѣстно, вскорѣ присоединился къ церкви, одновременно съ о. о. Онуфріемъ, Пафнутіемъ, Филаретомъ и др.; теперь онъ священникомъ при одной изъ единовѣрческихъ церквей въ С. Петербургѣ.

приблизясь къ Антонію и подавая ему первосвятительскій жезлъ, сказалъ, что онъ (Онуфрій), по порученію бѣлокриницкаго митроп. Кирилла и по избранію всего освященнаго собора епископовъ, вручаетъ ему жезлъ московскаго первосвятителя. Послѣ сего Антоній, по особому чиновнику, началъ произносить обѣты, съ клятвою—быть вѣрнымъ хранителемъ св. писанія и блюстителемъ отеческихъ уставовъ и преданій. Во время этого чтенія я часто обращалъ взоръ на Иларіона Егорыча, стоявшаго нѣсколько поодаль отъ меня, и замѣтилъ, что когда Антоній по «чиновнику» возгласилъ, что онъ обѣщается неотступно и неуклонно служить въ соборнѣмъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы при гробахъ митрополитовъ московскихъ и всея Россіи чудотворцевъ, Иларіонъ Егорычъ, вздрогнулъ при этомъ и пожалъ плечами. Я спросилъ у одного старообрядца, стоявшаго рядомъ со мною: чему удивился Иларіонъ Егорычъ?—«Да тому, должно быть,—отвѣчалъ мнѣ старообрядецъ,—что въ Успенскомъ соборѣ при гробахъ московскихъ чудотворцевъ есть свой первосвятитель Филаретъ, а не нашъ Антоній!» [1]) Послѣ произнесенія обѣтовъ, Антоній сталъ первенствовать при служеніи.

Никогда я столько не пролилъ слезъ, какъ въ это время. Да не подумаетъ кто либо, что я плакалъ отъ радости, отъ умиленія при видѣ торжественнаго соборнаго служенія. Нѣтъ,—я плакалъ не отъ того. Смотря на Антонія, я припоминалъ, какъ онъ домогался того первенства, какое теперь запялъ между своими сослуживцами; мнѣ пришли на память его противозаконныя слова и поступки, какъ слышанныя и видѣн-

[1]) Когда я передалъ Семену Семенову, что Иларіонъ и другіе осуждаютъ, зачѣмъ Антоній произносилъ обѣтъ неотступно служить въ соборнѣмъ храмѣ Успенія Пресв. Богородицы при гробахъ россійскихъ чудотворцевъ, то Семенъ Семеновъ отвѣтилъ: „въ этомъ виноватъ самъ Иларіонъ; мы давали ему „чинъ“ для просмотра и, въ случаѣ нужды, исправленія. Но онъ ничего не исправилъ: значитъ, пеняй на себя“.

ныя мною самимъ, такъ и сообщенные мнѣ отъ другихъ достовѣрныхъ людей. Все это пришло мнѣ на память, — и Антоній показался мнѣ страшнымъ; — меня поразила ясно возникшая въ умѣ моемъ мысль, что Антоній, дѣйствовавшій архіерейская, и его сослужители, не истинные строители таинъ Божіихъ, но самочинники и самозванцы, восхитившіе не дарованную имъ отъ Бога власть. Вотъ отъ чего я плакалъ и рыдалъ.

На первомъ же служеніи, послѣ произнесенія Антоніемъ обѣтовъ быть вѣрнымъ исполнителемъ отеческаго устава, онъ явился нарушителемъ сего устава. Когда въ опредѣленное время, слѣдовало ему выдти изъ алтаря для произнесенія извѣстной молитвы, стоя лицемъ къ предстоящему народу, съ трикиріемъ въ правой рукѣ и дикиріемъ въ лѣвой, то Антоній, вопреки чиноположенію, трикирій взялъ въ лѣвую руку, а дикирій въ правую. Посему случаю Иларіонъ Егорычъ тогда же замѣтилъ объ Антоніѣ: «экій старикъ! только что произнесъ клятву быть вѣрнымъ отеческому уставу, и вотъ уже успѣлъ нарушить его»! По окончаніи службы, народъ сталъ подходить къ Антонію подъ благословеніе и поздравлять его; но я уклонился отъ его благословенія. [1]) Когда все кончилось, Антонія проводили туда, отколѣ и вышелъ, т. е. въ келью на чердакѣ, при пѣніи пѣвчихъ: *Преславная днесь сидѣвше вси языцы во́ градѣ Давыдовѣ.* (Стихъ въ день Св. Духа).

14 числа Іюля я отправился изъ Москвы домой, а Иларіонъ Егорычъ остался для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій.

Теперь, когда я возвратился домой, послѣ всего видѣннаго и слышаннаго въ Москвѣ, мои сомнѣнія относительно старо-

[1]) Иларіонъ Егорычъ замѣтилъ это, и возвратившись на квартиру сказалъ мнѣ: „ты улизнулъ отъ Антоніева благословенія, а я не съумѣлъ этого сдѣлать“.

обрядчества достигли высшей степени, и мысль о томъ, гдѣ обрѣсти истинную вѣру и церковь, не давала мнѣ покоя. При этомъ я усердно молилъ Господа Бога, чтобы Онъ наставилъ меня на путь истинный: и человѣколюбивый Господь не умедлилъ вывести меня изъ пагубнаго заблужденія на путь правый.

Скоро понадобилось мнѣ съѣздить въ Калугу. Шелъ я тамъ по площади близъ малаго Никольскаго собора и вижу, что то много народу идетъ въ церковь,—а день былъ будній, четвергъ: подивился я этому и спросилъ одного старика нищаго, почему народъ толпою идетъ въ церковь. Старикъ нищій отвѣчалъ мнѣ: «ай ты не знаешь, что тутъ каждый четвергъ святителю Николѣ служатъ молебенъ?»—и самъ тоже пошелъ въ церковь. Я посмотрѣлъ за нимъ, потомъ обратился назадъ и посмотрѣлъ кругомъ: никого изъ моихъ близкихъ и знакомыхъ нѣтъ. Думаю въ себѣ: пойду и я въ церковь, погляжу и послушаю, какъ тамъ служатъ. Какъ только подошелъ я къ двери церковной, напалъ на меня какой то страхъ; однако я вошелъ въ церковь. Прежде всего посмотрѣлъ по народу, нѣтъ-ли кого изъ знакомыхъ мнѣ,—какъ бы кто не спросилъ, зачѣмъ я сюда зашелъ. Потомъ я устремилъ свои глаза и слухъ туда, гдѣ пѣли акаѳистъ свят. Николаю, противъ праваго клироса. Предъ иконою его горѣло много свѣчей. Я положилъ три поклона и проговорилъ, обратившись къ иконѣ Николая Чудотворца: «святителю отче Николае! моли Бога о мнѣ грѣшномъ и помози мнѣ въ жизни сей, и во исходѣ души моей, и въ будущемъ вѣкѣ». Потомъ я увидѣлъ близъ меня на стѣнѣ икону Пресв. Богородицы: обратился къ ней и сотворилъ три поклона. Слезы невольно выступили изъ моихъ глазъ, и я началъ молиться: «Пресвятая Богородице, Владычице, Маріе! Спаси меня, спаси меня грѣшнаго и погибающаго! Не даждь мнѣ погибнути въ суетѣ и

заблужденіи моемъ; наставн и вразуми мя, Пресвятая Дѣво Маріе!» Тотъ-часъ отступилъ отъ меня страхъ, и объяла меня радость, и сталъ я какъ бы въ восторгѣ какомъ. По окончаніи молебна, помолясь Пресвятой Богородицѣ и св. Николаю Чудотворцу, вышелъ я изъ церкви. Прежняго страха, съ какимъ входилъ я въ церковь, теперь уже не было, — теперь, если бы кто изъ старообрядцевъ увидѣлъ меня, выходящимъ изъ церкви, я ни мало бы не смутился и не убоялся. Божественная благодать коснулась моего духа, и я чувствовалъ себя весьма легко, спокойно. Тогда же какъ бы сердцемъ я почувствовалъ, что сія-то, именуемая у насъ великороссійская церковь есть воистину святая соборная и апостольская. Съ тѣхъ поръ я чаще началъ ѣздить въ Калугу, и посѣщать тамъ св. храмы, и слушать въ нихъ Божественную службу, — впрочемъ все еще тайно отъ своихъ старообрядцевъ.

Есть у меня родственникъ (свояк) деревни Дворца крестьянинъ Михаилъ Савельевъ Дударевъ, человѣкъ здравомыслящій и начитанный. Благодаря главнымъ образомъ чтенію книгъ, онъ изъ ревностнаго старообрядца, и притомъ еще уставщика, сдѣлался сыномъ православной церкви. Когда онъ, узналъ, что и я началъ сомнѣваться въ правотѣ старообрядчества, то сталъ присылать мнѣ письма, въ которыхъ, представляя несостоятельность и пустоту такъ называемаго старообрядчества, увѣщавалъ меня не медлить присоединеніемъ къ церкви Письма его имѣли на меня большое вліяніе и много способствовали моей рѣшимости присоединиться къ православной церкви. Кромѣ писемъ, я часто велъ съ нимъ личныя бесѣды о предметахъ разногласія старообрядцевъ съ церковію. Противъ его ясныхъ и основательныхъ доводовъ во свидѣтельство православія грекороссійской церкви и въ доказательство заблужденій старообрядчества я не могъ ничего сказать основательнаго и большею частію оставался безотвѣтнымъ. А для того, чтобы

удостовѣриться обстоятельнѣе въ православіи грекороссійской церкви и провѣрить, справедливы ли нарекапія на оную, проповѣдумыся старообрядцами, я прилѣжно сталъ читать книги православныхъ писателей, изданныя въ обличеніе неправды глаголемыхъ старообрядцевъ. Книги эти, рекомендованныя мнѣ тѣмъ же М. С. Дударевымъ, мѣстнымъ приходскимъ священникомъ М. А. Воиновымъ и другими ревнителями православія, были: *Истинно-древняя и истинно православная Христова церковь*, соч. Григорія архіеп. казанскаго, впослѣдствіи митроп. с. петербургскаго; *Выписки изъ старописменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ, свидѣтельствующія о святости соборной и апостольской церкви и о необходимости покориться ея уставамъ, для достиженія спасенія*, сдѣланныя моск. купцомъ Адріаномъ Ив. Озерскимъ; книги св. Димитрія митрополита ростовскаго, Питирима нижегородскаго и др. Изъ этихъ книгъ я усмотрѣлъ всѣ неправильныя мудрованія и незаконные поступки старообрядцевъ, и убѣдился вполнѣ, что они находятся въ жалкомъ и бѣдномъ положеніи.

Въ 1864 году въ великій постъ я уже не пошелъ на исповѣдь къ старообрядческому попу. Съ этого времени я всѣмъ объявлялъ, что убѣдился въ православіи великороссійской церкви, вполнѣ сознаю, что тамъ истинная православная вѣра, а старообрядцы не правы въ своемъ отчужденіи отъ сей церкви. Нѣкоторые любопытные старообрядцы, знавшіе о моей дружбѣ съ Иларіономъ, спрашивали меня: «вотъ ты оставляешь нашу вѣру и идешь въ церковь; а что же Иларіонъ Егоровичъ съ тобою, или нѣтъ?» Я отвѣчалъ: «Иларіонъ Егорычъ великороссійскую, равно и греческую церковь признаетъ соборною вселенскою; а что онъ хочетъ дѣлать,—присоединяется ли къ церкви, или нѣтъ,—спрашивайте его самого: я отвѣтствовать за него не могу».

Когда московскій Антоній узналъ о моемъ намѣреніи присоединиться къ православной церкви, то въ октябрѣ 1864 г. письмомъ приглашалъ меня въ Москву для увращенія и утвержденія въ старообрядческомъ вѣрованіи. «Мы, (писалъ онъ) — по священной обязанности нашей, съ отеческою любовію готовы суще подати вамъ средства цѣленія, призываемъ васъ прибыти къ намъ и предложити вся ваша сомнѣнія, ими же объяты есте, и вѣруемъ Богу нашему, яко поможетъ намъ оныя разрѣшити и успокоити мятущуюся совѣсть вашу».[1]) Вмѣстѣ со мною онъ поручилъ попу своему А. О. пригласить въ Москву и моего родственника М. С. Дударева, уже присоединившагося къ церкви. Попъ А. О., исполняя волю своего владыки, предлагалъ дѣйствительно М. С. Дудареву ѣхать въ Москву къ Антонію вмѣстѣ со мною. На это предложеніе М С. отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ объяснилъ, что не имѣетъ никакой надобности ѣхать къ Антонію и не ожидаетъ ничего полезнаго отъ этой поѣзки.[2]) Я тоже не надѣялся

---

[1]) Письмо это въ подлинникѣ находится у насъ. *Ред.*

[1]) Вотъ что между прочимъ писалъ мнѣ Дударевъ. „Я не понимаю, для какой надобности А. О. дѣлаетъ мнѣ предложеніе (ѣхать на свиданіе съ Антоніемъ). Онъ давно знаетъ, что я болѣе двухъ лѣтъ не принадлежу къ старообрядческому вѣрованію. Также знаетъ, что я нимало не сомнѣваюсь въ истинѣ св. соборной грекороссійской, нынѣ господствующей въ Россіи, церкви. Поэтому не имѣю никакой надобности ѣхать въ Москву искать у вашихъ архипастырей разрѣшенія какихъ — либо вопросовъ. *Не требуютъ здравіи врача, но болящіи.* Я, по милости Божіей, въ настоящее время нахожусь здравъ въ отношеніи религіозныхъ предметовъ. Что касается до грѣховной болѣзни, то я дѣйствительно нахожусь покрытый съ головы до ногъ язвами, для излеченія которыхъ обращаюсь въ единственную врачебницу — св. церковь, гдѣ невидимо присутствуетъ истинный врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, Господь Іисусъ Христосъ: Ему единому раскрываю язвы души моей, которыя получилъ отъ исконнаго врага и человѣкоубійцы — діавола. Если А. О. предлагаетъ мнѣ ѣхать въ Москву для распространенія православныя вѣры: то она и такъ распространена съ древнихъ временъ въ этомъ преславномъ градѣ. Если онъ желаетъ, что бы я внушилъ его владыкѣ православное ученіе и обличилъ

получить отъ Антонія какое либо врачевство; но мнѣ хотѣлось повидаться съ проживавшимъ въ Москвѣ, моимъ любезнымъ Иларіономъ Іеоргіевскимъ, и я рѣшился ѣхать. А предъ отъѣздомъ мнѣ пожелалось побывать у преосвященнаго Григорія архіепископа калужскаго. Преосвященный благоволилъ принять меня. Я взошелъ къ нему съ смѣлымъ духомъ, поклонился, но подъ благословеніе не подошелъ. Преосвященный привѣтствовалъ меня и сталъ говорить: «Мнѣ сказывалъ о тебѣ твой родственникъ, Михаилъ Савельичъ, что ты хочешь оставить расколъ и быть сыномъ православной церкви».—«Это правда,

---

его заблужденіе: то, кажется, ему давно самому извѣстно и видно жалкое и плача достойное состояніе новой такъ называемой австрійской іерархіи. Уже много было писано и говорено въ доказательство истины и святости россійской и греческой церкви православной, что, безъ сомнѣнія, они прочитывали. Къ тому же, въ Москвѣ есть много такихъ людей, которыхъ Духъ Святый поставилъ блюсти церковь Христову отъ волковъ-душегубцевъ. Эти люди, безъ сомнѣнія, готовы будутъ отвѣчать на всѣ вопросы, если бы только сего пожелали ваши архипастыри... Можетъ быть А. О. желательно познакомить меня съ своими владыками, которые будто бы, по его словамъ, и сами этого желаютъ, которые, можетъ быть, думаютъ убѣдить меня возвратиться паки къ старообрядчеству отъ мнимой ереси?—я съ своей стороны не прочь слушать ихъ убѣжденія, но только не въ Москвѣ, а въ нашемъ мѣстѣ: потому что у нихъ болѣе средствъ къ намъ пріѣхать, нежели мнѣ къ нимъ. Если самимъ затруднительно покажется такое путешествіе, то пусть уполномочатъ кого знаютъ. Мы не прочь со всякимъ говорить: съ духовнымъ и простолюдиномъ, съ вѣрнымъ и невѣрнымъ".

Письма М. С. Дударева, которыя, какъ выше замѣтилъ авторъ, имѣли на него очень благотворное вліяніе, вообще замѣчательны и по содержанію и по выраженію, особенно же какъ произведеніе простолюдина, нигдѣ не учившагося и успѣвшаго образовать себя, благодаря богатымъ природнымъ дарованіямъ, только посредствомъ чтенія книгъ. Онѣ заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія и мы рѣшились, въ видѣ *приложенія* къ настоящей статьѣ, напечатать нѣкоторыя изъ нихъ съ буквальной вѣрностію. Къ сожалѣнію, письма М. С. Дударева сохранились у В. Е. Кожевникова не всѣ: онъ говоритъ, что много ихъ забралъ Иларіонъ Егорычъ, также вполнѣ цѣнившій ихъ достоинства. *Ред.*

Ваше Преосвященство», отвѣчалъ я.—«Сказывалъ онъ и то,—продолжалъ владыка,—что тебя вызываетъ къ себѣ вашъ архіерей Антоній, чтобъ удержать тебя въ расколѣ: что же ты хочешь быть у него?» — «Хочу»,—отвѣтилъ я. «Я предложу тебѣ,—продолжалъ Преосвященный,—два вопроса, и ты мнѣ отвѣчай по чистой совѣсти; послѣ меня спрашивай о чемъ хочешь, и я буду отвѣчать тебѣ по сей справедливости. Скажи вопервыхъ: въ чемъ ты сомнѣваешься послѣдовать православной церкви? во вторыхъ: имѣешь-ли ты несомнѣнную увѣренность получить врачевство отъ своего Антонія?» Я откровенно отвѣтилъ владыкѣ, что нисколько я ни въ чемъ не сомнѣваюсь относительно православія грекороссійской церкви, а къ Антонію никакого довѣрія не имѣю. «Когда еще,—прибавилъ я,—никакихъ сомнѣній о старообрядчествѣ у меня не было, и тогда я Антонію много не довѣрялся, и не подчинялся его самовольнымъ распоряженіямъ, тѣмъ болѣе, что онъ все еще придерживается прежнихъ своихъ безпоповскихъ вѣрованій». Преосвященный замѣтилъ мнѣ: «если такъ, то зачѣмъ же тебѣ ѣхать въ Москву, и чего ради медлить присоединеніемъ къ церкви?» «Мнѣ хотѣлось бы, — отвѣтилъ я, — повидаться въ Москвѣ съ Иларіономъ Егоровымъ, что написалъ окружное посланіе: къ нему я издавна имѣлъ полное довѣріе».—«Ну смотри, другъ, дѣйствуй по совѣсти»,—сказалъ мнѣ въ заключеніе владыка, и отпустилъ меня.

Въ скоромъ времени я дѣйствительно ѣздилъ въ Москву, и имѣлъ тамъ свиданіе съ Иларіономъ Егорычемъ. Когда я сказалъ ему о своемъ рѣшительномъ намѣреніи присоединиться къ церкви, то услышалъ отъ него все тоже, что и прежде: «погоди, да погоди»,—а больше ничего. Чего же годить, и доколѣ ждать? Нѣтъ, по милости Божіей, я не такого духу, чтобы хромать на оба колѣна, не принадлежать всѣмъ моимъ существомъ къ вѣрѣ. А какъ я уже вполнѣ убѣдился въ пра-

вославіи грекороссійской церкви, то, по пріѣздѣ изъ Москвы, заявилъ своему приходскому священнику М. А. Воинову, о своемъ желаніи присоединиться къ православной церкви. Добрый пастырь, возблагодаривъ о семъ Бога, совѣтовалъ мнѣ съ своей стороны не отлагать на долгое время осуществленіе моего намѣренія. Дождавшись великаго поста, я, по христіанскому долгу, приготовился къ исповѣди и причащенію св. Христовыхъ таинъ, и въ 25-й день Марта, 1865 г., въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, былъ присоединенъ къ церкви Христовой, исповѣданъ и пріобщенъ.

Въ веселіи сердца возблагодарилъ я Господа Бога, Пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ, выведшихъ меня изъ тьмы заблужденія и сподобившихъ паки пріобщиться къ сынамъ матери нашей церкви православной, отъ которой съ юныхъ лѣтъ, по кознямъ врага рода человѣческаго, былъ я отторгнутъ. [1]) Въ теченіе года человѣколюбивый Господь

[1]) Спустя два мѣсяца по моемъ присоединеніи Антоній, чрезъ калуж. скихъ раскольническихъ депутатовъ, вторично приглашалъ меня въ Москву, чтобы повидаться и побесѣдовать съ нимъ. Я не прочь былъ отъ этого; особенно же въ Москву влекло меня желаніе повидаться съ Пафнутіемъ, бывшимъ еп. коломенскимъ, и другими лицами изъ такъ называемой австрійской іерархіи, присоединившимися 23 іюня 1865 г. къ православной церкви. Въ Сентябрѣ я отправился въ Москву и пріѣхалъ туда наканунѣ праздника Воздвиженія Честнаго креста. Въ самый праздникъ послѣ обѣдни пришелъ я къ попу Петру: онъ принялъ меня ласково и, узнавши, что желаю я видѣться съ Антоніемъ, послалъ своего дьячка, Николая, провести меня къ нему. Я остался ждать за воротами, а посланный пошелъ докладывать своему владыкѣ о моемъ желаніи съ нимъ видѣться. Скоро онъ возвратился и возвѣстилъ мнѣ, что владыка приказалъ меня проводить къ Семену Семенычу, а самъ не хочетъ съ мной свиданіе имѣть. Вотъ такъ владыка!—думаю въ себѣ, пріѣхалъ къ нему человѣкъ за полтораста верстъ, хорошо знакомый, а главное приглашенный имъ самимъ для свиданія и бесѣды,—и этому человѣку не стыдится сказать: поди къ Семену Семенычу, мнѣ съ тобой нечего разговаривать!..

привелъ къ православной церкви и все мое не малое семейство.

И вотъ уже девять лѣтъ, какъ я, по милости Божіей, сынъ православной восточной каѳолической церкви. Вѣрую и исповѣдую, что сія церковь, къ которой принадлежу я, есть церковь истинно Христова, святая, соборная и апостольская, вѣрую и исповѣдую, что внѣ сей церкви нѣтъ спасенія. Проникнутый сею вѣрою, и вполнѣ успокоенный духомъ и совѣстію, объ одномъ теперь усердно молю Господа, чтобы онъ, по милосердію своему, *грѣхъ юности моея* и содѣянною мною прежде по невѣдѣнію *не помянулъ*.

2007097147